

Светлана Коппел-Ковтун

Высекательница

УСКР

Философская сказка-притча

Светлана Коппел-Ковтун

Высекательница ИСКР

Философская сказка-притча

ALTASPERA

«Высекательница Искр» — философская сказка-притча, посвящённая проблемам добра и зла, личностного становления, а также творчества в самом широком значении этого слова.

Дуговая растяжка, искра, молния — творческие люди по-разному говорят об одном и том же феномене, без которого невозможно представить жизнь художника, мыслителя, поэта и любого живого душой человека.

Глубокое понимание законов человеческого духа делает сказку хорошим подспорьем в деле самопознания. Яркие образы, созданные автором, запомнятся читателям надолго.

**Коппел-Ковтун С. А.
Высекательница Искр**

ISBN

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

© Коппел-Ковтун С. А., 2013

Published in Canada

by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Высекательница Искр

Если поздним вечером вы будете гулять по тёмному провинциальному городу — а только провинциальные города покрываются мраком в поздний час — вы можете встретить удивительную старушку с фонариком на голове. Она преодолевает огромные расстояния, двигаясь неспешно, но при этом очень быстро. Чтобы следовать за ней, вам, быть может, придётся даже бежать. Только вы не делайте этого ни в коем случае — она этого не любит.

Встреча с ней зависит не только от вас, но и от неё. Если она захочет, то, даже стоя на месте, вы обязательно успеете.

Старушка с фонариком на голове добывает сказки. Только не вымышленные, а самые настоящие. И всё потому, что фонарик у неё — сказочный. Его луч, просвещающий мрак ночи, позволяет увидеть не только пространство вокруг, но и саму суть бытия. Жизнь, посредством её фонарика, высекает искры бытия, которые с большим тщанием собирает старушка.

Когда-то я спросила у неё, как ей удаётся за один день насобирать целую корзину. И тогда старушка-сказочница пригласила меня погулять вместе с ней.

Я, конечно, обрадовалась, но ещё больше разволновалась. Ведь сказочница была не из болтливых, и потому даже не подумала рассказать мне о том, как надо себя вести, что можно и чего нельзя делать. Она бросила мне только пару фраз, которых, на её взгляд, было достаточно.

— Надо просто быть, — сказала она, — и идти вперёд. Столкновения с бытием

при таких обстоятельствах неизбежны. Бытие само будет высекать из тебя искры, а ты их старательно собирай в свою корзину.

Теперь у каждой из нас в руках была корзина, и мы шли вперёд в совершенном молчании, чтобы слушать и слышать — так говорила старушка.

Но фонарик был только на её голове. Правда, он прекрасно освещал всё пространство вокруг, упасть, споткнувшись, было невозможно. Но смогу ли я распознать вовремя тайну, я не знала.

Вдруг мы очутились на какой-то круглой планете, размером с библиотеку. Сказочница держала меня за руку, чтобы я не упала, потому что стоять мне пришлось под наклоном, встать прямо не хватало места.

— Это планета Трёх Писателей, — шепнула мне она.

Прямо перед нами действительно сидели три странных человека, не обращавшие на нас внимания. Каждый из них надувал свой шар.

— Я почти такие же умею надувать, из жвачки, — сказала я довольно

громко. — Только мои намного меньше и быстро лопаются...

И в ту же минуту лопнул шар одного из Писателей. Взрыв был небольшой, но всех нас покрыло какой-то пылью с запахом селёдки, а всё пространство вокруг нас засыпали рыбы головы и скелеты.

Писатель гневно взглянул на меня и неожиданно заплакал. Потом он начал нервно теревить ворот своей рубахи, говоря, что он самый несчастный на свете писатель, потому что ему всегда мешают работать.

А два других без тени смущения продолжали надувать свои шары.

— Рассмотрите внимательно оба шара, — снова шепнула старушка. — Потом расскажешь, чем они отличаются.

Я смотрела, смотрела, но так ничего и не увидела: шары как шары. Пока сказочница не направила на них свой чудофонарик.

Надо же! В луче света я отчётливо заметила, что внутри первого шара живут какие-то люди, растут деревья и даже солнышко светит: всё, как в жизни. Вон

мальчишки дерутся, и я, кажется, слышу их голоса и плач обиженного...

Вот это да! Я едва смогла оторвать свой взгляд от живого шара, чтобы хоть краешком глаза посмотреть на другой, внутри которого были только буквы, газетные обрывки, какие-то книги — и никакой жизни.

Вдруг свет погас, и мы погрузились в абсолютную тьму. «Может, сказочница выключила свой фонарик?» — подумала я и крепко сжала её руку.

В полной темноте прозвучал её вопрос: — Ну что, заметила?

Я ответила, что только у первого Писателя шар был живой внутри.

— Правильно! — воскликнула мне в самое ухо старушка и включила фонарик. Она пристально посмотрела мне в глаза и произнесла:

— Этот Писатель — мой давнишний друг, он — Высекатель Искр, как и я. Когда он надувает свой шар, жизнь просто не может в нём не струиться, потому что Писатель выдыхает искры.

— А тот, другой, у которого в шаре только буквы?

— О, это очень умный человек — настоящий профессионал. Он долго учился своему ремеслу, прочёл много книг о том, как стать и быть писателем. Но он не умеет высекать искры, ему кажется, что жизнь можно просто выдумать, главное — сделать это по правилам.

— Интересно. А почему лопнул шар у третьего Писателя?

— Он — ненастоящий. Этому человеку просто очень хочется прослыть писателем, чтобы его имя печатали в газетах, чтобы о нём писали даже на заборах. Поэтому он пьёт водку и закусывает селёдкой, ожидая прихода вдохновения. Но он не в силах выдуть собственную планету.

— Чего-чего? Вы хотите сказать, что планета Трёх Писателей — не настоящая, а кем-то надутая?

— Эту планету создал мой приятель для своих друзей, чтобы им было где поиграть. Только выдутый — ещё не значит ненастоящий!

Старушка отвернула от меня свой фонарь, направив его на дорогу. И мы снова пошли по знакомой улице, быстро приближаясь к дому.

— Я всё же не понимаю, что это было? — попыталась я остановиться, потому что вовсе не хотела уходить.

— Искра. Ты увидела ответ бытия.

— Да-а-а? И вы положили эту искру в свою корзиночку?

— Нет, эта искра лежит в твоей корзинке. Если захочешь, напишешь потом сказку.

— Ух-ты! А что вы делаете со своими искрами? Тоже пишете сказки? Я бы хотела почитать вашу книгу.

— Нет, моя дорогая! В моей корзинке слишком много искр, чтобы заниматься такими пустяками. Если я сяду писать книги, то у меня останется слишком мало времени, чтобы собирать искры. Для меня главное — высекать их и собирать.

— А зачем они вам?

— Я собираю искры бытия, чтобы быть, — с улыбкой произнесла старушка. — А ещё — они помогают быть другим людям.

— Но откуда же людям знать про ваши искры, вы же не пишете книжек?

— Я плету Полотно Жизни — это куда более важное занятие, поверь. И у этой

«книги» есть свои «читатели». Не думай, что знания передаются только с помощью книг! Всё, что я увидела, теперь легко смогут увидеть и другие люди, если только захотят, если будут искать искры бытия. Понимаешь? Самое трудное — высечь искру и положить её в корзинку. А рассмотреть уже найденную кем-то — намного проще. В мире очень много искателей искр, куда больше, чем высекателей. Они как раз и будут потом писать книги.

Мы вновь пошли по тёмной улице, всматриваясь в пространство, освещаемое лучиком сказочного фонаря. А я всё думала: почему мне удаётся разглядеть лишь мокрый асфальт и кусты, а старушка-сказочница видит разные сказочные тайны?

— Просто дождь прошёл, — словно ответила на мои мысли старушка, — потому и асфальт мокрый.

— А почему же тогда мы не намокли?

— Во время дождя мы с тобой рассматривали искру, лежащую сейчас в твоей корзинке. А вот и твой дом. До завтра!

И мы расстались. Придя домой и вкусно поужинав, — я ведь очень проголодалась за время прогулки — я, наконец, решила внимательно рассмотреть свою искру. Но в корзинке ничего не было. Может быть, я её потеряла? Или, может, она видна лишь в луче фонаря сказочницы? Остановившись на последнем, я крепко уснула, чтобы завтра вновь пойти высекать искры вместе с доброй старушкой.

Собирательница Миров

Мы стояли посреди поля, на глазах превращающегося в пустыню. Земля, красная то ли от заходящего солнца, то ли от красного ветра, трескалась, но сопротивлялась опустошению и умиранию. Это напряжение электризовало воздух.

«Странно, — подумала я, — ветер на самом деле красный и очень порывистый...»

— Это ярость, — спокойным голосом произнесла Высекательница, слегка покачиваясь на ветру.

Прикрыв глаза ладонью, она всматривалась вдаль, словно желая увидеть там давнего знакомого.

— Где мы? — прокричала я, почти не слыша своего голоса.

— Это мир одной моей приятельницы. Представляешь, она здесь живёт! Бедняжка снова борется с покусением на свой «райский уголок».

— Она — ваша подруга?

— Возможно. Но сейчас, скорее, подшефная: ей нужны мои искры.

Небо над нами явно готовилось к урагану. Мрачные чёрные тучи бежали, словно лошади в забеге, пытаюсь обогнать одна другую. Ветер гнал их заправски, дерзко срывая с деревьев лиственное одеяние и скрежеща их стволами, как зубами. Всё вокруг ярилось и громыхало, а потом вдруг затрещало, словно тесная одежда, и небо стало осыпаться, падая вниз множеством кусочков.

— Ты любишь играть в пазлы? — спросила сказочница.

— Только не в таких обстоятельствах, — ответила я, решив, что она шутит, пытаюсь меня отвлечь или развеселить, ибо о каких пазлах могла идти речь во время такого бедствия.

Но я ошиблась.

— Следи за каждым падающим осколком, собери все, а затем возврати их на прежнее место! — прокричала сквозь ветер старушка, уже устремляясь всем существом своим за горизонт, где с трудом можно было различить женскую фигуру.

— Что она там делает? — спросила я, следя за направлением взгляда сказочницы.

— Ломает стены мрака, которые возводит в гнев её супруг. Он строит их вокруг себя, по глупости, а ей приходится каждый раз снова и снова разрушать их.

— Но зачем?

— Чтобы сохранить здесь свет и любовь. Хочешь помочь ей собрать разрушенную картинку этого мира?

Я молча кивнула. Старушка напаялила мне на голову свой чудо-фонарь и, приказав ждать её на этом самом месте, исчезла в порыве красного ветра. Остался лишь лёгкий шлейф из листьев и пыли, указывающий направление её пути.

Я уже привыкла, что, находясь в компании с Высекательницей, надо не столько думать, сколько действовать, потому что думать, обычно, некогда. На моих глазах творилось что-то невероятное и совершенно непонятное, и, несмотря на это, я должна была противодействовать этому, точнее, мне надо было остановить разрушение созиданием.

Волшебный фонарик давал возможность чётко видеть этапы запущенного процесса. Я ощущала механизм, законам которого теперь подчинялось всё вокруг.

Надо было сопротивляться ему и созидать, созидать, созидать!

Действовать приходилось по наитию, едва осознавая. Сердце стучало во мне, подобно колёсам поезда — размеренно, уверенно, спокойно. Я трепетно и старательно собирала чей-то мир из осколков, словно всю жизнь только этим и занималась.

И результат не заставил себя долго ждать. Ветер начал утихать, превращаясь в игривый и ласковый зефир. Голые деревья стыдливо молчали, но жизненный сок уже струился в них с удвоенной силой, заполняя хрустальным звоном окружающее пространство. Вскоре новые свежие листья зашумели, зашептали друг другу истории о только что пережитом и увиденном.

Вот и небо облеклось в привычную лазурь. Казалось, мир полностью восстановлен. Только в руках у меня остался последний осколок, который я никак не могла пристроить.

Старушка появилась в обществе молодой женщины с уставшим не по годам лицом. Они шли рядом, держа в руках

корзинки, наверное, с искрами, и засекали огромное, только что вспаханное поле, а вслед за ними шла сама жизнь. Медленно, но уверенно жизнь устраняла смерть, накатывая волна за волной, и всё вокруг подчинялось ей, наполнялось радостью и сопереживанием.

— Ну, как тебе такие пазлы? — спросила сказочница, вытирая пот со лба. — Всю картинку собрала?

— Да, вот только один осколок остался, не знаю, куда его приложить. Похоже, лишний...

— Нет, не лишний. Он откололся от её сердца, — старушка кивнула в сторону своей спутницы, — но, к сожалению, вернуть его на место невозможно. Можешь сохранить его себе на память, вместо искры, потому что ничего другого тебе сегодня не достанется.

— Да нет, что вы, зачем мне брать себе осколок чужого сердца?

— О, ты многого ещё не знаешь. Одёрни-ка шторку! Вон там, видишь, верёвочка — потяни за неё!

Справа от меня действительно висел плетёный шнур, уходящий одним своим

концом куда-то за горизонт. Я, как всегда послушно, дёрнула и...

Не поверите: небо открылось, как обычная занавеска. Моим глазам предстало огромное полотно, усеянное заплатами в форме сердечек.

— Видишь, сколько заплат ей пришлось сделать за свою жизнь! Она всё время штопала и латала разрываемое её мужем небо. Все эти сердечки когда-то были частью её сердца, а теперь стали частью их общего мира. Одна из этих заплат — твоя, ты подарила частичку своего сердца, когда собирала вместе с нами этот мир. Ты стала соучастницей происходящего, откликнувшись на чужую беду. Это похоже на взаимовыгодный обмен, — старушка улыбнулась, — или на любовь. Здесь, в этом много раз штопанном небе, остался кусочек и твоего сердца. Вон он светит тебе, присмотришь!

Ну, что бы вы сказали на моём месте?! Вот и я, открыв рот, молчала. С одной стороны, всё это было более чем странно. С другой — я реально видела это, в том числе кусочек собственного сердца, ставший частью неба в мире ранее незнакомой

женщины, но теперь близкой мне, хоть я даже имени её не знаю.

Видимо, понимая, что мне сложно осмыслить происходящее, старушка с негодованием произнесла:

— А всё дело в том, что кое-кто длину дороги до цели измеряет количеством матерных слов, произнесённых за время пути.

Старушка взяла из моих рук свой фонарик и привычным жестом одела его себе на голову.

— Это она о моём муже, — поспешила объясниться незнакомка. — Он любую преграду, даже малейшее затруднение, воспринимает как вселенскую катастрофу и бранится несусветно, проклиная и разрушая жизнь вокруг себя. Но я люблю его... Благодарю за помощь!

Сказав это, женщина впряглась в громоздкий плуг, уподобив себя лошади. Ей надо было вспахать ещё одно огромное поле, чтобы после и его засеять.

— Разве у неё нет своих искр? — спросила я старушку.

— Есть, только она никогда не занималась высеканием. Знаешь, когда люди

входят в соприкосновение друг с другом, когда они шагают вместе какой-то отрезок пути, решают сообща какие-то задачи или собирают миры, они высекают искры друг для друга без особых усилий. Так что, у нас много общих искр.

— А что мне делать с подаренным осколком неба? То есть, сердца...

— Можешь сохранить его, как залог. Можешь продать или сдать в ломбард. Можешь просто выбросить. Если сможешь, конечно...

— А вы что делаете обычно? — смущённо пробормотала я, видя, что Высекательница сердится или делает вид, что сердится, но отвечает, явно, с издёвкой.

— Я обычно не ломаю себе голову такими вопросами. Я просто живу, просто люблю, просто высекаю. А дары умеют сами о себе беспокоиться, сами находят своё место. Это же жизнь, детка, а не головные фантазии!

Ничего толком не поняв, я прижала к себе тёплый осколочек чужого неба. Он казался мне самым дорогим сокровищем, которое когда-либо было у меня.

Хотелось спросить у Высекательницы, как увидеть своё собственное небо, может ли оно точно так же расколоться и осыпаться, но старушка была не в настроении. Она вообще не любила болтать на такие темы, потому я промолчала, решив довериться её словам, что настоящий дар умеет сам о себе заботиться.

Город Кривых Дорог

В Город Кривых Дорог можно попасть, лишь увиливая от правильного пути. Надо ухитриться не следовать выбранному направлению. Это невероятно сложно, потому что каждый человек, желая переместиться из пункта А в пункт Б, старается поступать противоположным образом. Но в Город Кривых Дорог попадают лишь те, кто отклоняется от правильного курса: сначала на немного, потом на чуть-чуть, потом ещё немножко... Постепенно они настолько отклоняются, что оказываются в плену у своих кривых путей и не могут найти дорогу назад.

— Потому, — объясняла мне Высекательница, — нужно всё время понемногу смещаться в сторону от нужного направления, петляя, как заяц, намеревающийся запутать лисицу, иначе в этот город не пройти.

Я недоумевала, но покорно исполняла все эти витиеватости, намертво вцепившись в руку старушки, ибо боялась запутаться в её замысловатых путевых выкрутасах. В какой-то момент луч её фонарика высветил траекторию нашего движения. Моим глазам открылась широченная, неохватная дорога, состоящая из бесконечного множества вихрящихся пунктирных линий. Тысячи, миллионы кривых дорог, дорожек и тропинок.

— Всё время отклоняйся, как бы увиливай, иначе ты упрёшься в тупик и никогда не дойдёшь до Города Кривых Дорог, — снова и снова повторяла старушка, пытаюсь высвободить свою руку из моей.

Упражнения в кривохождении мне были неприятны, зато я утешалась близостью Высекательницы и видением правильной дороги. Но по мере приближения к Городу у меня начало портиться и зре-

ние, и настроение. На душе становилось грустно и тревожно. Да ещё этот странный шум в ушах, похожий на шипение.

Наконец мы оказались на городской площади посреди большого скопления народа. Странные люди сновали мимо нас туда-сюда, никак не замечая нашего присутствия. Они были похожи на нас. И только лица...

— Это что, люди-змеи? — спросила я с нескрываемым изумлением, потому что лицо каждого из них было заслонено огромной змеей, как бы растущей прямо из грудины.

— Это люди-гордецы, а из груди у них змеей выползает их самость. Они так и общаются: не человек с человеком, а змея со змеей.

— Конечно, — подтвердила я, — они же не видят друг друга.

— Да им и дела нет друг до друга! Для них главное — кормить и ублажать своих змей...

Не успела Высекательница договорить, как где-то слева от нас послышались крики и ругань. Похоже, начинался местный скандал.

— Вот сейчас они себя покажут! — с горечью проговорила Высекательница.

И правда, недалеко от нас на узком мосту встретились два змеечеловека. Они злобно махали огромными змеиными головами. Один шёл навстречу другому, шипя и рыча. При этом они изрыгали нечто вроде пены, которая разлеталась на несколько метров вокруг.

Быстро собралась толпа подстрекателей. Отовсюду, бросив свои дела, змеечеловеки сбегались к мосту и жадно подставляли свои змеиные головы под падающую пену, а те, щурясь от удовольствия, старались проглотить её как можно больше.

— Фу-у-у! — брезгливо поморщилась я. — Они это едят?

И в тот же миг я увидела собственное отражение в одной из витрин магазина. Представьте, у меня из груди тоже росла змея, только маленькая, и она проявляла интерес к происходящему у моста...

Казалось, я подхватила местный змеиный вирус и, забыв обо всём, теперь

желала только одного — скорейшего исцеления. Лишь Высекательница оставалась сама собой. Видимо, Город Кривых Дорог был для неё совершенно безопасен.

— Как вам это удаётся? — в растерянности пробормотала я, понимая, что раз мы здесь оказались, значит это зачем-то нужно, и что Высекательница наверняка знает какой-то секрет.

В ответ она лишь молча указала мне на хвост змеи, торчащий в моём боку. А потом указала взглядом на свой бок. И только тогда я заметила, что её правая рука держит, крепко зажав в кулаке, намотанный змеиный хвост.

Я тоже попыталась ухватить свою змею за хвост, но та зашипела, выставив раздвоенный язык, и уставилась на меня гипнотизирующими глазами. По совету старушки, приловчившись, я завязала на кончике змеиного хвоста узел и, ухватившись за него, резко дёрнула змею вниз, чтобы та скрылась из вида и не могла мной манипулировать.

Высекательница осталась довольна, но строго предупредила:

— Отныне ты всегда должна будешь держать свою змею за хвост, чтобы контролировать её, иначе не сможешь выбраться отсюда.

— Конечно-конечно! Но как мы найдём дорогу домой? Я уже не вижу настоящего пути, вокруг лишь пунктирные дорожки...

— Знание пути — это дар, — величественно произнесла сказочница. — Если будем верны ему, он тоже будет верен нам, и мы не заблудимся! Вообще, для беспокойства нет причин. Если бы ты была сродни местным жителям, пунктирные линии кривых дорог казались бы тебе настоящими.

Высекательница обняла меня за плечи, пытаясь утешить, и я сразу приободрилась. Медленно мы уходили прочь из страшного города, не обращая никакого внимания на спешащих к мосту змее-человеков.

— А если взять с собой кого-то из местных? Если мы покажем путь, они смогут выбраться отсюда?

— Увы, нет! Смысл существования здешних людей — в их змеях. Если мы

возьмём кого-то с собой, он будет изрыгать яд на всех вокруг, чтобы превратить окружающих людей в кормильцев своей змеи. Не змеелюди в плену у города, а город в плену у змеелюдей. Без них Город Кривых Дорог просто исчезнет или станет обычным городом.

— А почему змеи видны лишь в Городе Кривых Дорог?

— Законы жизни этого города и даже здешний воздух способствуют развитию змей, а не людей. Змеи здесь раскрываются и расцветают, как цветы на клумбе.

Тем временем мы уже выходили за пределы города змеелюдей. Но идти дальше не было никакой возможности. На пути у нас лежало огромное болото. И я уже подумала, что нам придётся вернуться, чтобы выходить отсюда тем же путём, которым входили...

— Это скопление болот — местная достопримечательность, — голосом экскурсовода объясняла Высекательница. — Прямо перед нами — болото подозрительности, сзади — болото лукавства и двуличия, слева — болото тщеславия,

справа — болото зависти, а вон там, вдали — болото предательства... Я, честно говоря, названия всех не помню. Уж очень не люблю я эту зону. Нам с тобой — туда!

Указательный палец сказочницы был направлен в сторону очереди мини-островков, точнее, даже кочек, по которым, по всей видимости, нам предстояло пробираться.

— Это одна из граней Полотна Жизни, — уточнила сказочница, — которое сообща плетут все высекатели. Для нас эта грань станет дорогой домой.

Высекательница попыталась улыбнуться, но ей это не вполне удалось. Было заметно, что она сильно устала.

— А из чего состоят эти островные кочки? — спросила я, стараясь не думать о возможных трудностях пути.

— Это искры, вплетённые нами в общее Полотно Жизни. Среди них есть и твоя. С этого узелка, крепко завязанного на хвосте твоей змеи, ты начнёшь плести собственное полотно жизни.

Высекательница подмигнула мне, и её рот сам растянулся в улыбке. Она, как

и я, радовалась, что покидает это ужасное место. Я взглянула на её бок, затем на свой — змеиных хвостов не было видно.

— А что, если засеять эти болота искрами? Они исчезнут?

— Это невозможно. Искры имеет смысл сеять только там, где их ждут. Люди должны хотя бы начать искать путь отсюда, чтобы получить право на искры.

— Но почему?

— Потому что иначе искры не имеют никакой силы. Пойми же, наконец, здешние люди живут ради своих змей: они видят глазами змей, слышат ушами змей, думают змеиными умами и чувствуют змеиными сердцами. Им не нужны наши искры!

Так, за разговорами, перепрыгивая с кочки на кочку, мы прошли гнилые болота. А вокруг становилось всё светлее и радостнее. Я даже не заметила, как мы оказались совершенно погруженными в тёплый и ослепительно яркий свет. Может, мы попали внутрь сказочного фонаря Высекательницы? Мне даже пришлось закрыть глаза. Когда же я их вновь открыла, мы с ней стояли прямо у моего

дома. Сказочница говорила какие-то напутственные слова. Но, признаюсь, я их уже не слышала. Впервые я была несказанно рада тому, что наша прогулка закончена, и что я — дома. Почему, думаю, вы и сами понимаете.

В Долине Драконов

Долго ли мы шли, я сказать не берусь. Двигались чинно, неспешно, как никогда раньше. Высекательница впервые вела себя как светская дама, несмотря на свой не вполне подходящий наряд и всегдашний фонарик на голове. Она была похожа, скорее, на маленького заигравшегося шахтёра. И я казалась себе смешной оттого, что вынуждена была подыгрывать Высекательнице, церемонно шествуя, а не просто идя по дорожке.

Мы шли на бал или торжественный приём, который давал кто-то из её друзей.

— Там будет много важных особ, — говорила Высекательница, — и мы с тобой должны соответствовать.

— А не лучше ли нам было нарядиться в красивые платья, раз надо соответствовать?! — возразила я.

— На маскараде никто не заметит, во что мы одеты, всем важно лишь то, как мы себя преподнесём! — отпарировала Высекательница и, обернувшись вокруг своей оси, обвела нас лучом волшебного фонарика.

В тот же миг мы оказались в кругу веселящихся и танцующих людей. Их наряды и лица были прекрасны, движения изысканы. Я оробела, вспомнив, что мы одеты слишком просто в сравнении с ними. И мои манеры... Я не знала как подobaет вести себя на светских приёмах.

— Милое дитя, расправь свои плечики! — неожиданно ласково произнесла Высекательница. — Всё это только маски и тени...

Голос Высекательницы завораживал. Вокруг по-прежнему веселилась толпа любителей незнакомцев, но они становились всё более тонкими, словно бумажными.

— Картонный мир картонных людей, — почти без звука прошептала я.

Но лишь мгновение всё окружающее казалось плоским, игрушечным. Словно в кино, исчезающие образы красивых благородных людей сменились на совсем иные — безобразные. По моей спине пробежал холодок, так неожиданно было открывшееся моему взору.

Калеки: безглазые или безносые, безрукие или безногие, на костылях, в лохмотьях, в изодранных и засаленных одеждах...

— Кто это? — в ужасе спросила я и прижалась к руке Высекательницы.

— Веселящиеся! — улыбнулась старушка. — Это гости, приглашённые на праздник. Видишь, как они принарядились по случаю.

Оглядевшись, я почувствовала себя чуть ли не принцессой. Моё скромное будничное платье было чистым, без единой заплаты и дырочки. Я могла бы гордиться своим нарядом.

Высекательница смотрела на меня, словно спрашивая: «Ну, как тебе маскарад?»

— Маскарад как маскарад, — ответила я на её мысли, старательно изображая безразличие.

Но Высекательница расхохоталась, да так громко, что на нас стали обращать внимание, и я смутилась.

Взяв за руку, как ребёнка, Высекательница повела меня через весь зал к двери, ведущей, как я думала, в другой зал, предназначенный для близких друзей. Дверь распахнулась сама собой, как только мы к ней приблизились. Мы шагнули в коридор, такой узкий, что мы едва помещались в нём, идя рядом друг с другом.

Это был тайный ход в подземелье. Мы шли без фонаря, погружённые во мрак, и только впереди виднелся слабый свет. Дойдя до конца туннеля, мы вышли в поле: широкое, с травой по колено.

Краски открывшегося нам мира были настолько яркими и насыщенными, что приходилось щуриться. Когда же глаза привыкли, я заметила вдали огромный валун, на котором сидел, сутулясь, такой же огромный дракон. Из его ноздрей, как и положено, шёл дым.

Когда мы приблизились, оказалось, что дракон курит трубку. Завидя нас, он степенно привстал и поклонился, не сказав ни слова.

«Какой-то странный и плохо воспитанный дракон, — подумала я. — Хотя бы поздоровался!» И тут же поняла, что сама должна была бы поприветствовать Хозяина Долины, раз уж пришла к нему в гости.

— Приветствую вас! — вдруг произнёс дракон и весело подмигнул мне.

«Он читает мои мысли!» — поняла я и покраснела.

Я огляделась. Высекательницы нигде не было видно.

«Как сквозь землю провалилась!» — сердилась я.

И тут же добрый дракон открыл во всю ширь свою немаленькую пасть и зарычал, заслоняя себя огнём и дымом. Хорошо, что у него была только одна голова. Я со страху упала в траву и поползла, как мне казалось, в ту сторону, откуда мы пришли. Вперёд я не смотрела, даже зажмурилась, чтобы случайно не заметить дракона. Поведение моё было, конечно, нелепым.

Глаза я открыла, только уткнувшись лбом во что-то большое. Подняв голову, я увидела дракона. Испугавшись не на шутку, я вскочила на ноги, чтобы бежать. Но куда? Вокруг было полно других драконов. Некоторые из них развлекались игрой в шахматы, другие чинно прохаживались, беседуя, словно люди.

По моим щекам побежали ручейки слёз. Мне навстречу, простирая лапы как руки, шёл оскалившийся дракон. Что мне делать, я не знала.

— Ну что ты, милое дитя?! — услышала я знакомый голос Высекательницы. — Неужели ты не совладаешь со своим страхом?

Эти слова произнёс дракон. Его хвост блестел, как меч, а на голове светил хорошо знакомый фонарик.

— Высекательница? — неуверенно спросила я.

В ответ дракон лишь хитро прищурился и протянул мне зеркало. Когда я в него взглянула, то увидела ещё одного дракона, и в его глазах мне привиделось что-то знакомое.

Не успела я додумать мысль до конца, как ощутила сильный удар хвостом.

— Это приглашение к бою! — голосом Высекательницы сказал дракон. — Ты готова драться со мной?

Мой хвост среагировал раньше меня: он принял вызов. Мы взлетели в небо, кружась в боевом танце.

Да, бой был не совсем настоящим, мы, скорее, мерились силой, демонстрируя друг другу все свои драконьи возможности. Самое сложное было осознавать происходящее. Мысль сильно отставала от действия. Мой дракон, то есть я, — это была как бы не совсем я, потому что он сам поливал противника огнём, когда считал это нужным, сам бил хвостом или лапами. Но я видела окружающее драконьими глазами, я чувствовала удары по его телу, как по своему. И самое непостижимое — мой дракон так же любил Высекательницу, как я.

Когда мы устали, то, не сговариваясь, сделали петлю в небе и свалились в траву.

— Вот теперь мы точно друзья, — сказала Высекательница. — Наши драконы подружились, а знакомство драконами — самое трудное испытание. Ты умеешь дружить драконами?

Я промолчала, а её дракондохнул пламенем и захохотал. Мы закружились во всеобщем драконьем хороводе, возглавляемом Хозяином Долины. Постепенно драконьи морды сменились лицами, пляшущие драконы превратились в пляшущих людей. Но потом и эта картинка исчезла. Всё вокруг смазалось, словно краски на палитре художника.

Моя голова ещё кружилась, когда мы с Высекательницей неспешно и церемонно шествовали по знакомым улицам, направляясь к моему дому. В голове вертелась только одна мысль: наши драконы подружились!

В Галерее Высекательницы

После знакомства драконами я всё время пыталась рассмотреть его в обычном облике Высекательницы. Она больше никогда не показывалась мне драконом, но я ни разу с тех пор не забыла о его существовании. Я хорошо помнила, что сама отчасти — дракон, и какова его часть во мне — неведомо. Но я поняла, что дружить драконами совсем несложно — большинство людей только так и дружит. Просто преодолеть своих драконов, если они не подружились, умеют очень немногие люди. Потому и сказала Высекательница, что дружба драконами — самое трудное испытание.

Собственно, на тот момент оно и было для меня самым сложным. Но, когда я попала в Галерею Высекательницы и едва не потерялась в ней, я узнала, что бывают задачи посложнее.

Огромный зал, в центре его фонтаны и диких деревьев, а по стенам развешаны картины, размером в человеческий рост. Я шла впереди, а Высекательница — позади, в нескольких шагах от меня. Так мы гуляли по Галерее.

Мне, разумеется, хотелось идти рядом с Высекательницей, но она категорически отказалась, сказав, что так мне будет сложнее сориентироваться.

Когда я подошла к первой картине, на меня взглянул острым глазом белоглавый орёл. Изображение оказалось живым: неожиданно орёл взмахнул своими большими крыльями и взлетел в небо, поколебав окружающий воздух и освежив моё лицо ветерком. Я в испуге пригнулась и оглянулась на Высекательницу, но она пригрозила мне пальцем, жестами показывая, что я не должна отвлекаться.

Только было уже поздно. Картины пришли в движение. Они, казалось, волновались и норовили запутать меня. Они кружились, менялись местами, переворачивались вверх тормашками. А мне надо было рассмотреть их, чтобы потом обсудить всё с Высекательницей.

Следующая картина оказалась обычным натюрмортом. Я не люблю натюрморты, потому постаралась рассмотреть эту картину повнимательней — знала, что она быстро выветрится из моей памяти. Я предполагала, что и натюрморт может ожить. На миг мне даже показалось, что сушёная рыба, изображённая рядом с кувшином и самоваром, начинает выпячивать на меня свои неживые глаза. Но это только померещилось. Натюрморт даже в Галерее Высекательницы не ожил. Правда, рыба с окружением улетела прочь сама собой.

Больше не было нужды ходить от картины к картине: они вертелись вокруг меня сами, словно желая рассмотреть меня или даже о чём-то расспросить.

Теперь предстал передо мной образ Царевны-Лягушки, наполовину превратившейся в Василису Прекрасную. Я улыбнулась. Придумал же кто-то такое!

Вот, наконец, живописный пейзаж: небольшая речушка, кусты, деревья, солнце. Мечта! В тот же миг налетели тучи и закрыли солнце. Потом полил дождь и началась гроза. Так странно — я промокла насквозь, словно сама попала под грозу. Но я же была в Галерее, и ко мне уже подлетала другая картина, изображавшая прекрасную Афродиту. Затем какой-то букет цветов, за ним — неуклюжая курица, завистливо смотрящая на пролетающий над ней клин журавлей.

А вот оскалившийся волк: сердитый, угрожающий, рычащий. Сразу за ним — трусливый зайчонок. Вдруг заяц превратился во льва и побежал за волком, превратившимся в змея.

Ну и Галерея! Картины, всё, что было на них изображено, и даже рамы от этих картин кружились вихрем вокруг меня. Они носились за мной повсюду, так что

я никак не могла от них укрыться. Я попыталась убежать и спрятаться за деревом, потом в фонтане, опять за деревом. Но безуспешно. Рой форм и образов не отставал от меня. Я вскрикнула, позвав Высекательницу.

Передо мной появилось большое сверкающее чистотой зеркало, в котором я увидела собственное отражение. Только оно не радовало, потому что я ждала Высекательницу. Я снова закричала, прося её помощи, и сразу же услышала её голос:

— Это я! Ты видишь своё отражение во мне. Точно так же я сейчас отражаюсь в тебе.

Видение исчезло, и передо мной действительно оказалась Высекательница. Мы с ней были в саду, посреди которого были фонтаны и росли причудливые деревья. В этом саду находилась Галерея Высекательницы. По его аллеям гуляли люди, доброжелательно глядящие в нашу сторону и словно ожидающие приглашения подойти поближе.

Мне хотелось спрятаться от всех этих людей, и я демонстративно повернулась

к ним спиной. В душе ощущалось неприятное опустошение. Я хотела побыть наедине с единственно близким мне человеком — Высекательницей.

— Ты в порядке? — спросила она неуверенным голосом.

— Не знаю! Я вообще не понимаю, кто я и что со мной.

— Ты — маленькая Высекательница! — с нежностью произнесла Высекательница.

Я заплакала, и плакала довольно долго, не понимая, о чём и почему. В голове кружился калейдоскоп галерейных образов, и я никак не могла остановить его. Мне не удавалось вспомнить собственное отражение, которое было последним образом, явленным мне в Галерее.

— Что это было? — всхлипывая, спросила я.

— Отражения тебя... Отчасти, все эти образы — ты, вероятности тебя. Это были отражения тебя в других людях.

Я была на грани того, чтобы снова зареветь, а, может быть, рассмеяться. Это было похоже на истерику. Но я всё же

рассмеялась, вспомнив, как чудно сушёная рыба пучила глаза.

— Я могу быть натюрмортом? — спросила я, скорее ужасаясь, чем веселясь, хотя улыбка на моём лице ещё присутствовала.

— Да, — спокойно ответила Высекательница. — Каждый из нас может стать просто натюрмортом.

У меня внутри всё похолодело. Я знала, что Высекательница не врёт. Никогда не врёт!

— А что значит «вероятности» меня?

— То, кем мы становимся, отчасти зависит от людей, в общении с которыми мы пребываем. Мы отражаемся друг в друге, как в зеркалах...

— Но я не курица!

— Ты — юная орлица! Но в тебе живёт вероятность курицы. Ты можешь стать курицей, если позволишь ей осуществиться в себе.

Меня начало трясти. Образ курицы слишком глубоко врезался в мою память. Её глаза выражали такую тоску и зависть, что я никак не хотела отождествить её с собой. Высекательница это

поняла и повторила:

— Ты — не курица! Это вон та дама, в жёлтом платье с кружевами, видит тебя курицей. Она общается с тобой, как с курицей, потому что иначе не умеет. Но ты принимаешь от неё эту роль, потому что не замечаешь в ней самой курицы. Ты её вообще не замечаешь и не видишь. Ты и себя не видишь по-настоящему. Именно поэтому ты так хочешь ещё разок взглянуть на своё отражение во мне. Ты узнала себя в этом отражении и хочешь запомнить его. Верно?

Я была поражена. И снова увидела себя в зеркале Высекательницы. Я не поняла даже: вспомнила себя, или мы на миг вернулись в Галерею, чтобы я смогла увидеть себя.

Если бы меня спросили в тот момент: «Кто ты?», я бы с полной уверенностью ответила: «Высекательница Искр». У меня на голове был знакомый сказочный фонарик, только светил он, кажется, немножко иначе. А может, мне так только почудилось.

— Так какое отражение ты выберешь своим? — глубокий голос Высекательницы словно пробудил меня ото сна.

— Разве все они настоящие? Я выбираю то зеркало, которое отражает меня правильно. Другие зеркала — плохо начищены.

— Так кто же ты? — с лукавым пафосом спросила Высекательница.

— Наверное, маленькая Высекательница! — неуверенно и смущённо пробормотала я.

— Хороший ответ! Не самонадеянный, но смелый. Я в своё время ответила так же.

Фонарик Высекательницы блеснул своим лучом, на миг ослепив меня. И она исчезла, словно растаяла в воздухе.

Я осталась одна посреди многолюдной толпы. Поток людей обтекал меня, как столб. Странно, что никто не возмущался и не толкал меня. Меня словно не было в этом мире, словно меня не существовало на свете.

Зато я стала видеть по-новому. Рядом шли уже не безликие, но облечённые в разные образы индивиды. Кто-то походил на тигра, кто-то — на кролика, кто-то — на оранжерейный цветок, кто-то — на пулемёт...

«Кто в ком отражается? — думала я. — Они во мне или я в них?». Ответить на вопрос, увы, было некому. Однако, на голове у меня сиял собственный волшебный фонарик, который внушал надежду, что когда-нибудь я найду нужную искру и открою эту тайну. Только бы не навсегда покинула меня Высекательница...

Фантики

Я шла по просёлочной дороге. Над головой висело чистое голубое небо, усеянное облаками, птички кружили в полёте. Прогулка несколько затянулась, я сильно устала и надеялась, что вот-вот меня догонит автобус, который почему-то отменён. Я надеялась, что усталые ноги обретут покой, но...

Загородная жизнь прекрасна, если только транспорт ходит по расписанию.

Сзади послышался топот копыт. Оглянувшись, я увидела яркую разноцветную карету, которая быстро приближалась. Из кареты кто-то махал рукой и, казалось, — мне. Но это было совершенно невозможно. Повернувшись спиной

к карете, я пошла медленно, как и раньше, едва переставляя ноги.

Карета обогнала меня и остановилась. Из неё вышел галантный молодой человек в белом фраке и цилиндре и устремился мне навстречу.

В руках у него были какие-то билетик-ки. Он всё время перебирал их в своих руках и украдкой поглядывал на меня.

— Какого цвета небо? — спросил он неожиданно и очень торжественно, словно исполняя какой-то ритуал.

— Небо? — удивилась я. — Вроде голубое...

— Что за вздор? — возмутился молодой человек. — Небо сейчас явно бирюзовое! Но уже заметен переход к фиолетовому — значит Его Фиолетовое Величество проснулся.

Я взглянула ввысь. Голубое небо на глазах начало менять цвет, приближаясь к бирюзовому, а потом, действительно, обрело слегка фиолетовый оттенок.

— А почему именно Фиолетовое Величество? — спросила я, не предполагая, что вопрос прозвучит глупо. — Почему не Зелёное, скажем?

Я не могла скрыть улыбку, но юноша её не заметил. Он пристально глядел не на меня, а в свои фантики.

— Потому что ему всё и всегда фиолетово! — ответил он растерянно. — Послушайте, я не понимаю, кто вы! Вас нет ни на одном из ярлыков...

— Каких ярлыков? — удивилась я.

— Самых обычных, как у всех, — ответил незнакомец и покосился на меня.

— И зачем они вам?

— Как зачем? Чтобы знакомиться, чтобы общаться, чтобы жить! Вы что, с Луны свалились? — поразился незнакомец.

— А как вы ими пользуетесь? — не понимала я.

— Вы думаете, я какой-то бездельник, чтобы болтать неизвестно с кем неизвестно о чём?

Незнакомец покраснел то ли от злости, то ли от неловкости своего положения. Его лоб покрылся испариной, а глаза беспомощно бегали по нелепым скомканным бумажкам в его руках.

— Не то, не то..., — бормотал он и смотрел на меня с всё большим ужасом.

Потом он рванул к карете, и та быстро умолчалась прочь, скрывшись за поворотом.

Мне стало смешно. «Надо было направить на него свой чудо-фонарик», — подумала я и тут же спохватилась: фонарика на голове не было.

Я забеспокоилась о новой встрече с Высекательницей, испугалась, что без фонарика мы не сможем найти друг друга на просторах Полотна Жизни. Кто я без фонарика?

Вдруг ближайšie ко мне кусты зашевелились, из ветвей высунулась маленькая голова карлика, затем и весь он вылез, словно заяц. Красный его сюртучок блестел на солнце, привлекая внимание.

— Здравствуйте, Прекрасная Маркиза, — закричал он мне издали. — Я здесь, чтобы встретить вас и проводить к Его Фиолетовому Величеству.

— Не может быть! Вы меня с кем-то путаете! — запротестовала я, сопротивляясь попыткам карлика втолкнуть меня в тот самый куст, из которого он только что вылез. Но карлик достал пачку уже знакомых мне фантиков и стал тыкать

в один из них своим коротким пальчиком:

— Вот, смотрите, если сами не знаете, кто вы такая! Вы не знаете, а я — знаю, потому что у меня в наборе все существующие ярлычки. Если бы вас не было в этой пачке, — карлик потряс фантиками перед моим лицом, — то вас вообще не было бы. Но вы не беспокойтесь! Вы — тут, в наборе!

Я всмотрелась в ярлык, на котором была изображена толстая-претолстая дама, гордая и надменная, и ничуть на меня не похожая. Зато она была одета в похожее платье: сиреневое с белым ажурным воротником и кружевными манжетами.

— Да это же не я, неужели вы не видите?! — упиралась я словами и ногами. — Эта дама шире меня в три раза! Я не маркиза!

Карлик с ужасом посмотрел на меня, затем на свой фантик, и снова на меня, словно измеряя нас. Видимо, согласившись с моими доводами, он нырнул назад в свой куст, только пыль взметнулась из-под его ботинок.

«Вот это прогулка! — подумала я. — Так можно вляпаться в какую-нибудь сказочную историю». Но без фонарика мне этого вовсе не хотелось. И что они носят с этими ярлыками?

Я достала из сумки яблоко и стала грызть его в растерянности. И тут же поняла, что заблудилась. Просёлочной дороги как не бывало. Я находилась на узкой лесной тропинке и даже не знала, в какую сторону следует двигаться.

— Где мои ярлычки? Где мои ярлычки? Где мои ярлычки? — это полувсхлипывание-полусопение доносилось откуда-то из травы. Вскоре я заметила у ног игольчатую спинку, а за ней показался заплаканный ёжик. Он был совершенно безутешен. Меня он не замечал и потому вздрогнул, услышав мой голос.

— Что с вами случилось? — спросила я, понимая, что нахожусь в какой-то новой сказке.

— О, моя Королева, простите меня великодушно! Я, старый болван, никак не могу вспомнить, куда подевал свои ярлычки. Но свою королеву я всегда узнаю!

Я тихонько хихикнула. За кого только меня ни принимают эти странные фантикопоклонники! Кажется, что у них совсем нет глаз или потеряно зрение, а эти ярлыки — единственный способ смотреть на вещи. Без ярлыков они совершенно слепы.

Впрочем, с ярлыками они тоже ничего не видят, кроме своих фантиков. Какое-то страшное заболевание ума или глаз...

Мои философские размышления прервал сопящий возглас ежа:

— Ваше Фиолетовое Величество, смилуйтесь над стариком, позвольте мне приобрести новый набор ярлычков вашего королевства! Я обещаю впредь хранить их с большим вниманием!

— Да не королева я, уважаемый Ёж, не беспокойтесь!

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно! — я улыбнулась, демонстрируя свое полное расположение и дружелюбие.

— Ну, хоть тут повезло, — вздохнул ёжик, шмыгая носом и сопя от растерянности.

Я решила воспользоваться случаем и расспросить подробнее о сказке, в которой очутилась. И, главное, мне надо было понять, что это за такие важные «ярлычки», без которых жизнь в ней невозможна.

— Как, вы ничего не знаете про ярлычки?! Этого не может быть! — Ёж на мгновение задумался, а потом сделал вполне здравый вывод. — Значит, вы из другой сказки. Что ж, бывает... Но скажите, как же вы существуете? Без ярлычков? Я вот даже не понимаю, что делаю, куда иду, с кем говорю, если не...

— Если не смотрите в свои дурацкие фантики? — сорвалась я. — Вот вы же сейчас смотрите на меня и видите меня!

— Нет!

— Как же нет? Вы же кому-то сказали «нет»! И этот кто-то — я!

— А кто вы? И что делаете? Почему здесь? Где это самое «здесь» располагается? Вы знаете, где мы находимся? Я — нет!

Глаза ёжика остановились на моём яблоке, которое я не успела доестъ.

— Что это у вас в руках — часы?

— Нет, яблоко. Только я его уже надкусила, — смутилась я, решив, что ёж

очень голоден.

— Да говорю вам, часы! Как-то мне подарили такие же. Сосед. Привез прямо из магазина — с ярлыком. Добрый был ёж. Его арестовали и выслали из сказки. Он тоже утверждал, что подарил мне яблоко...

Ёж погрузился в воспоминания.

И тут я начала догадываться, что происходит, по крайней мере, почему я заблудилась. Ёжик лишь дополнил мои догадки деталями. Получалось, что единственным способом ориентироваться в этой сказке были фантики — те самые «ярлычки», которые, по сути, были обычными этикетками.

Всё, что существовало, когда-то и кем-то было названо своими именами, потом эти имена были записаны, а сами вещи — описаны. Но в какой-то момент жители этой сказки совершенно запутались, их мысли можно было распутывать только раскладывая, как пасьянс, этикетки. Но настоящая беда пришла в королевство с воцарением нынешнего Короля. Он хотел всецело подчинить себе жителей сказки, а потому перепутал фантики.

— И как же вы теперь живёте?

Ёжик посмотрел на меня пристально и после некоторой паузы поманил пальцем, чтобы я пригнулась поближе к нему.

— Жизни в нашей фиолетовой сказке давно нет, — прошептал ёжик. — Но существует несколько наборов правильных ярлычков, которыми владеют несколько карликов, только никто не знает, кто именно. И Королева ищет этих карликов, чтобы казнить как изменников.

— А может стоит поднять бунт и свергнуть жестокого Фиолетового Короля с его Королевой?

Ёжик впервые захихикал, но на его маленьких глазках появились слёзы. Успокоившись, не без труда, он продолжил:

— Бунтовать — некому. Все жители фиолетового королевства совершенно уверены в правильности своих ярлычков. Они верят им больше, чем своим глазам. А думать при таких обстоятельствах они вообще не способны.

— Но вы же — думаете?

Ёжик вытаращил на меня испуганные глаза:

— Как? Неужели это так заметно? Я погиб! Я же потерял ярлычки королевства, теперь всем будет очевидно, что я думаю. Меня просто казнят!

Слушая колючего бедолагу, я очень сожалела о потере фонарика. Будь он со мной, я бы сразу поняла, что делать.

Мы с ёжиком сидели в траве — высокой-превысокой — так что нас почти не было видно. Лишь макушка моей головы предательски торчала на виду. Из-за неё нас и обнаружили.

Королевская гвардия шагала, повернув головы влево, потому что в левой руке все держали фантики. Мне казалось, что они обязательно должны страдать косоглазием, иначе как можно смотреть одновременно себе под ноги и на ярлыки.

Старший гвардеец, подходя к нам, выкрикивал, словно речёвку, какие-то дурацкие вопросы — я не запомнила ни одного из них. Но ёжик знал ответы наизусть и выкрикивал их такой же речёвкой. Это, видимо, была форма демонстрации благонадёжности — запоминаемые комбинации фантиков в стихах.

Я, разумеется, ответов не знала, и потому меня взяли под стражу. Ёжик уныло проводил меня взглядом.

Королевский дворец был не так далеко, но когда мы дошли до него, я уже едва стояла на ногах. Я была готова сесть в тюрьму — только бы присесть и передохнуть, но было решено немедленно доставить меня к Королю. Гвардейцы, похоже, решили, что я — один из карликов, владеющих правильным набором ярлыков.

Самое смешное произошло перед центральным входом во дворец: его двери просто захлопывались перед моим носом, как только я к ним приближалась. Король радушно вышел навстречу, приветствуя меня и приглашая войти, но это было совершенно неисполнимо.

— Её, наверное, нет на ярлыках, — прошипел какой-то карлик в синем мундире Королю на ухо. — Вы не находите это странным?

— А как же я её казню, если её нет?

Замешательство Короля длилось недолго. Он отложил один набор ярлыков

и взял другой, потом — третий, четвёртый, пятый....

— Где мой Тайный Советник? — спросил, наконец, Король.

Тайный Советник подошёл к Королю сзади, сразу же подставляя огромное ухо ко рту повелителя. Затем он вытащил огромную фиолетовую лупу и пристально посмотрел на меня сквозь её молочное стекло.

Лицо Советника растеклось в довольной улыбке:

— Ваше Фиолетовое Величество, эта особа совершенно не существует! Её нельзя казнить.

Услышав о казни, я обмерла, но быстро опомнилась.

— Я же говорила вашим гвардейцам, что не существую. Вот, даже войти во дворец не могу! Видите, какая неразумность — охранять того, кого нет, да ещё отвлекать Ваше Фиолетовое Величество от важных дел.

Король нахмурился, а я обрела надежду. Король взял лупу Советника и так же пристально посмотрел на меня сквозь мутное стекло.

— Ну, совершенно пустое место... — пробормотал Король. — Что мы здесь делаем? Это прямо провокация какая-то!

Гвардейцы немедленно отпустили меня.

— Вам фиолетово, Ваше Величество? — заботливо спросил карлик в синем мундире.

— Нет, мне уже давно бирюзово..., — брезгливо ответил Король и устремился прочь.

Ленивой походкой он проследовал во дворец. Вся его свита последовала за ним, не оглядываясь. И только Тайный Советник ещё раз, напоследок, взглянул на меня через свою фиолетовую лупу, прежде чем присоединиться к остальным.

Как только я осталась одна, сразу же поняла, куда должна идти. Я чувствовала направление, словно была железкой, которую притягивал огромный магнит.

— Вот тебе и новая фиолетовая сказка, и новая фиолетовая искра! — сказала я себе. — Хоть и фонарика нет. Может, я его дома забыла?

Когда я очнулась от своих мыслей, то шла уже по знакомой просёлочной дороге. Над головой было знакомое голубое небо и облака. Меня догонял зелёный маршрутный автобус, который я не чаяла увидеть. Ноги мои обрадовались больше меня и понесли меня быстро-быстро, так что я почти влетела внутрь и, устроившись на свободном сидении, сразу уснула.

Фонарик

— Фавьё-фавьё-фавьё!

Нервный крик попугая напугал и без того напряжённые нервы. Наверное, он хочет что-то сказать, а слов подходящих не находит. Так и я: высекла невероятно красивую искру, а понять до конца её не в силах.

Люди-луны и люди-солнца (такая — искра!)... Отличить их друг от друга совсем несложно. Отражённым светом никого не согреешь, он лишь слепит глаза безжизненным блеском.

Прежде чем уснуть, я всегда размышляю. На границе сна в голову приходят удивительные мысли, похожие на искры. А когда смотришь на небо, на звезды —

пристально-пристально, может даже закружиться голова...

Звёзды, наверное, — те же искры. Множество искр! Чья-то щедрая рука засеяла ими космос, чтобы было красиво, чтобы и во мраке ночи человек мог утешиться светом. Ведь он, маленькая искорка, нуждается в постоянной подпитке, чтобы не погаснуть.

Да, удивительные тайны, которые раньше открывались только взору Высекательницы, теперь толпятся и в моём воображении. Но рядом нет никого, кто видит мир таким же.

— Фавьё-фавьё-фавьё! — снова завёлся попугай.

Теперь я понимаю, почему Высекательница постоянно дурачится, словно ребёнок. Невыносимое одиночество, наверное, томит и её сердце. Она играет, чтобы не умереть от скуки и тоски. Раньше я не понимала этого — у меня же не было своего фонарика...

Боже мой, какой глупой я была! Не верила, что Высекательница может меня оставить — просто так, без всяких причин. Но причина есть! Высекательница

всегда со мной, потому что теперь я сама — Высекательница.

Вот он — мой фонарик. Невинно лежит на подоконнике. Странно, что с этой штукой на голове человек начинает видеть всё иначе.

Хотя, мой фонарик всё же отличается от фонарика Высекательницы: он — мой, а не чужой. А знаешь, дорогой читатель, что это значит? Лишь то, что и без фонарика высекатель видит всё так же. Фонарик — лишь игрушка, хотя необходимая для тех, кто не является высекателем. Когда мы собирали миры, сказочница одалживала мне свой фонарик: ей самой, как и мне сейчас, в нём не было нужды. Получается, что она всегда носила фонарик только ради других? Спросить бы её об этом. Так ведь не скажет, даже если мы увидимся...

— Почему же не скажу? — голос, раздавшийся из-за шкафа, меня испугал.

— Фафье-фавье-фавье!

— Высекательница?!

В мгновение я вскочила с постели. Мы обнялись и молча стояли несколько минут, не в силах произнести даже слово.

— Знаешь, — сказала Высекательница, — когда люди попадают в луч сказочного фонарика, они на время словно преображаются. Это так красиво, что хочется смотреть снова и снова. Так что будь с ним поосторожнее!

Мы присели на кровать, ведь я собиралась лечь спать. Могло бы показаться, что Высекательница — всего лишь долгожданное привидение, сон наяву. Но это был не сон.

— Я пришла, чтобы ты могла спросить меня о чём захочешь. Но вопрос может быть только один.

— Почему один? — почти захныкала я. — Мы так давно не виделись. У меня сотни вопросов!

— Придётся выбрать из сотни один или же свести все вопросы к одному, — подмигнула старушка.

— Ну, почему всегда, когда вы появляетесь, я начинаю нервничать? Я так ждала вашего прихода, и вот...

— Потому что у тебя слишком много вопросов. Ты рассеиваешься, растрачиваешься по пустякам и злишься, что я отказываюсь подчиняться твоей суете.

— Фавьё-фавьё-фавьё!

Мне стало неловко.

— Кстати, — продолжала Высекательница, — ты слышала о карликах из Фиолетовой страны? Они украли одно из зеркал, через которое мы смотрим на Полотно Жизни.

— Зачем?

— Говорят, чтобы разбить его, а потом повредить Полотно Жизни или похитить какой-то его фрагмент... Кто может знать об этом?

— Но зачем?

— Чтобы властвовать над людьми. В принципе, ничего нового, только раньше никто не покушался на Полотно Жизни.

Я не знала, что ответить и, немного смущаясь, пригласила Высекательницу выпить по чашке чаю или кофе, на её усмотрение.

— Если у тебя нет птичьего молока, то я вряд ли приму твоё предложение.

— Есть! Есть! — обрадовалась я.

— Тогда пьём птичье молоко? — лукаво спросила сказочница.

На что я погрозила ей пальцем, давая

понять, что я уже не та глупенькая девочка, которую можно обвести вокруг него.

Мы пили чай с конфетами, которые оказались у меня совершенно случайно (обычно я покупаю фундук в шоколаде). Это маленькое совпадение меня развеселило.

— Люблю приятные совпадения! — словно читая мои мысли, сказала Высекательница. — Случайности и совпадения — самые точные вещи на свете. Своим умом никто и никогда не смог бы организовать такую связь между событиями, вещами и людьми: многоуровневую, последовательную связь, которая формируется сама собой. Так и Полотно Жизни плетётся, по сути, само, из случайных неслучайностей или неслучайных случайностей.

— Фавьё-фавьё-фавьё!

Высекательница озорно хихикнула. Я не сказала в ответ ни слова, ибо не вполне понимала, о чём она говорит. Но где-то глубоко внутри я знала всё — мне так казалось, по крайней мере.

— Ну, у тебя есть вопрос ко мне? — вкрадчиво спросила сказочница.

— Как происходит высекание искр?

— Ого! — взвизгнула Высекательница. — Понятия не имею! Думаешь, высекатели высекают искры каким-то особым способом? Ничего подобного! Когда ты идёшь по просёлочной дороге, и ветер обдувает тебе лицо, — не ты же сама производишь этот ветер! Если твой глаз видит лес, радугу в небе — ты же не видишь, как он видит: не ты им управляешь, не ты автор своего видения! Ты — лишь препятствие на пути света, на пути ветра... Ты — сопротивление. Столкновение тебя с ними рождает переживание, а переживание рождает путь. Но посмотри, что это значит! Ты — не пустое место, сквозь которое можно пройти как через не существующее! Жизнь прикасается к тебе, и ты отвечаешь ей. Вы даже можете поболтать, сидя на краю обрыва.

Я по-прежнему ничего не понимала, но призрачно угадывала нечто знакомое в непонятных словах сказочницы. Я боялась даже дышать, чтобы не помешать движению её мыслей, и потому сидела, затаив дыхание. Видя, что я не собираюсь вставить словечко, Высекательница

продолжила:

— Каждая новая встреча дарит высекателю возможность. Без встреч, без движения искр не будет. Высекатели словно сделаны из вещества, способного воспламеняться от соприкосновения с жизнью, с людьми, с вещами. Они видят свет жизни и умеют извлекать его отовсюду, но как именно, никто не знает. Я иногда чувствую себя бенгальским огоньком, который никогда не гаснет...

Глаза Высекательницы засветились.

— Не понимаю, — сказала я. — Выходит, что высекателем нельзя стать, им можно только родиться. Но я же — стала?!

— Сначала мы с тобой собирали искры — помнишь? Каждый высекатель должен насобирать определённое количество искр, чтобы разогреть свой внутренний свет и зажечь фонарик внутри себя. Свет разлит по всему миру, но видят его лишь немногие. А высекатели ещё и накапливают его в себе, собирая искры.

— Вы знали, что я тоже стану высекательницей?

— Это уже второй вопрос! Но, так

и быть, я намекну тебе на ответ: наверняка никто ничего не знает и знать не может!

И Высекательница растаяла в воздухе. Я растерялась, разволновалась. Всегда я оказывалась не готовой к её приходам и уходам. Она была суммой неожиданности с непредсказуемостью и всегда заставляла меня врасплох.

Ну, вот она снова исчезла... На её месте, рядом со мной, оказался маленький фарфоровый колокольчик. А под ним — записка: «Ни в коем случае не звони!». А под этой запиской — другая: «Звони, если тебе будут нужны мои искры!». А под этой — ещё одна записка: «Полотно Жизни устроит нашу новую встречу».

Всё не то, не то...

— Фативьё! Фативьё!

Сердце моё искало чего-то иного, более тёплого и свободного. И тогда я заметила, что последняя записка — не последняя. Под ней обнаружилась ещё одна. Я её не сразу заметила, потому что листочки склеились. Отделив их один от другого, я нашла пустой, совершенно чистый лист бумаги.

Что бы это значило? — думала я. И не понимала, не находила ответа. В любом случае это была дверь — выход из замкнутого пространства необходимости. Это был шанс на встречу вне всяких рамок. Именно его я посчитала настоящим посланием от Высекательницы. Быть может, когда-нибудь я сама напишу на чистом листе нужные слова. Когда придёт время...

Живая психология

«Высекательница Искр» глазами психолога

«Человек искренен тогда, когда он носит в себе центральный огонь, от которого разливается свет и из которого летят во все стороны искры» — эти слова И. Ильина («Поющее сердце») как нельзя лучше описывают явление, которому посвящена сказка-притча «Высекательница Искр». А ещё, искры сродни эпифаниям Иманта Зиедониса, о которых он говорил так: «Эпифании — это небольшие импульсы, крохотные вспышки, чей свет с необычайной яркостью выхватывает из темноты отдельные моменты жизни <...>

У каждого дня — своя вспышка, своё озаренье...».

Дуговая растяжка, искра, молния — творческие люди по-разному говорят об одном и том же феномене, без которого невозможно представить жизнь художника, мыслителя, поэта. Наверное, чтобы верно понять рассматриваемую сказку Светланы Коппел-Ковтун, следует прочесть и её эссе «Про молнию, дырку на плоскости и ярлыки». Но только после сказки, чтобы не обкрадывать себя как читателя.

Мы же попробуем взглянуть на это произведение глазами психолога, постараемся разглядеть некоторые особенности созданных автором образов. Интересно, что через эти сказки и сама психология становится живой и настоящей, преображается, отмечая всякую умозрительность.

Собственно сказочная повесть «Высекательница Искр» состоит из семи сказок, каждая из которых является и самодостаточным произведением, и, в то же время, связана повествованием о приключениях героини — девочки или, скорее,

юной девушки, подружившейся с необычной старушкой, собирающей искры-сказки-молнии.

Почему выбран жанр сказки-притчи? Вероятно, потому, что испокон веков людям свойственно передавать свои знания, мудрость, культурное наследие, традиции в притчах, мифах, сказках, легендах. Христос также говорил с народом притчами, приоткрывая таким образом сокровенные тайны Царствия Небесного.

Оказывается, символы, которыми пронизана любая сказка, в своей многоуровневой целостности представляют тот важный инструмент, при помощи которого человек ведёт свой внутренний диалог. И те символы, которые в данный момент особенно созвучны с бессознательным, с «Духовным Я» человека, начинают резонировать, отвечать на множество внутренних вопросов. Человек присоединяется к некоему фундаментальному архетипу, и таким образом неповторимость человека, его индивидуальность получает те необходимые знания, ответы, которые согласуются с его внутренними духовными потребностями. *«Всё свершившееся*

обогащается чувством, всё свершившееся обогащается значением. Всё обращается в символ или притчу» (Поль Клодель).

Французский психолог Мария-Луиза фон Франц так говорит о символичности в сказках, о сущности самой сказки и её значении: *«Волшебная сказка сама и является своим лучшим объяснением, а её значение заключено во всей той совокупности мотивов, которые объединены ходом развития сказки. Выражаясь метафорически, бессознательное находится в таком же положении, как и человек, увидевший или испытавший нечто необычное и желающий поделиться своими впечатлениями с другими людьми. Но так как то, с чем он столкнулся, никогда ещё не было сформулировано с помощью понятий, ему не хватает средств для того, чтобы выразить это. В подобной ситуации человек обычно предпринимает многократные попытки объяснить случившееся. Пытаясь вызвать у слушателей ответную реакцию, он интуитивно использует аналогии с уже известными фактами, дополняет и развивает свою точку зрения до тех пор, пока*

не убедится в том, что его поняли правильно. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что любая волшебная сказка является относительно закрытой системой, выражающей некое сущностное психологическое значение, содержащееся в ряде сменяющих друг друга символических картин и событий, посредством которых оно и может быть раскрыто».

Сказка-притча «Высекательница Искр» уникальна тем, что символы, представленные в её главах, имеют глубокий духовный смысл. Читая, погружаешься в глубинную сферу внутренних переживаний и невольно начинаешь исследовать неизведанные уголки собственной души. С первых фраз чувствуется, как происходит внутренний диалог «Наличного Я» и «Внутреннего Я». Насыщенность образов не утомляет, а, напротив, позитивно настраивает и ведёт к поиску ответов на множество внутренних вопросов.

В «Духовном Я» выделяют два начала: «Нравственную интуицию» и «Творческую интуицию». Высекательница

Искр — это образ «Духовного Я», главенствующего над «Наличным Я». Высекательница по-настоящему следует за голосом Вечности, она сама как бы является собой отголосок Вечности, так как Вечность постоянно звучит в ней. Высекательница занята самым важным делом жизни — высеканием и собиранием искр, которые и являются образом «творческой интуиции».

В связи с этим интересны образы трех писателей, которые символизируют разные подходы к творческому труду. Настоящее творчество, оказывается, напрямую связано с высеканием искр — т. е. с открытием. Искры являются результатом взаимодействия высекателя с Реальностью. Надо сказать, что прежде чем «Творческая интуиция» станет доминирующей в человеке, необходимо преодолеть барьер «Эгоистичного Я». Ведь настоящее творчество не может сочетаться с эгоизмом, с так называемой направленностью на себя. В этом как раз и заключалась проблема третьего и первого писателей, которые тщетно пытались создать настоящий творческий мир для читателей.

Фонарик — образ «Нравственной интуиции», но люди, которые живут «по совести», могут спокойно обходиться и без этого дополнительного атрибута, ведь нравственность составляет основу их жизни, такие люди руководимы «Духовным Я».

Очень хорошо в сказке «Собирательница Миров» отображается слияние двух миров воедино в семейной жизни. Женщина по сути своей является хранительницей семейного очага, и в слове «хранительница» содержится очень много составляющих — это и созидание, и возрождение, и забота, и участие. Протоиерей Олег Стеняев хорошо заметил, что фраза из Библии «Создал Бог помощницу Адаму» означает буквально следующее: *«Создал Бог помощницу Адаму, соответствующую его проблемам»!* Это очень важное дополнение, ведь в сказке как раз это наглядно отображено — другая бы женщина и часа не выдержала в гневном мире такого мужчины, а женщина, создающая свой «райский уголок», не только терпит, но всячески пытается спасти их мир. Также верно и то, что каждый из нас, сталкиваясь в жизни, пусть даже

случайно, с кем бы то ни было, оставляет свой след — пусть маленький, но кусочек своего сердца, если эта встреча была встречей, а не столкновением...

Город Кривых Дорог — некое подобие ада. Чтобы попасть в него, надо слегка отклониться от верного пути: совсем на чуть-чуть, потом ещё и ещё... И всё меняется, человеку-гордецу, по сути потерявшемуся человеку, уже ничего не надо, кроме собственной змеи, которую он кормит и холит. Другие люди видятся уже не более чем потенциальными кормильцами для змеи. И заметьте, даже у Высекательницы Искр в этом адском месте обнаруживается такая змея, только она подчинена её власти, лишена возможности манипулировать человеком и влиять на него.

Образ змеечеловеков показателен и тем, что людям свойственно объединяться по принципу подобия. По страстям примыкают друг к другу и сталкиваются с изъязном, подобным собственному. И тут же очень точно символизирует образ «подпитки страстей, греховных привычек» — они сами себя подпитывают и этим живут.

Глава «В Долине Драконов» — о бессознательном. Автор так говорит о своих драконах: *«Попрошу моих драконов не путать с моими змеями! Мои драконы — это порождения первичного хаоса, это бессознательное и подсознательное, это земля, в которую вбрасывается и семя Христово»*. Ключевые слова этой главы принадлежат Высекательнице: *«Наши драконы подружались, а знакомство драконами — самое трудное испытание. Ты умеешь дружить драконами?»*.

Православный психолог Анастасия Бондарук так сказала об этой главе и драконах: *«Смысл метафор ясный и прозрачный. Драконы меряются силами хвостов. Это — конкуренция, проверка на равенство. Я помню, как один ученик в школе, где я была учительницей, пел: „Только дружба начинается с драки“. Мой дракон — это и я, и не я. Часто наши внутренние силы, страсти, желания — не ведомы нам самим, часто мы попадаем под их влияние неосознанно. Всё это о «Я» и «Не Я». Вообще, задача отличения «Я» от «Не Я» — одна из основных в психотерапии»*.

В образе драконов можно увидеть ту часть бессознательного, которая есть в каждом человеке, но тщательно маскируется. В бессознательное обычно вытесняется внутренний спор, конфликт, противоречия — «Наличное Я» вступает в борьбу (невидимую) со своим «Духовным Я». По сути, если встречаются два человека, угнетённые неразрешёнными внутренними конфликтами, то такие люди не могут создать прочный дружеский (или даже семейный) союз.

Образ Галереи — это образ Проекции. Каждый из нас склонен проецировать свои проблемы на других. И очень ярко это демонстрирует кусочек из сказки, где «женщина видит в героине сказки только курицу и потому считает, что героиня думает, как курица». Безусловно — это яркий пример проекции, когда сама женщина видит в других свое, наиболее остро выделяющееся негативное проявление «Я на личного». Советский учёный Ухтомский называл это состояние «Доминантой на Двойнике». Двойник не даёт человеку увидеть себя подлинного, а также закрывает глаза на других людей. Научиться

различать в других свою проекцию — очень трудная задача, но вполне посильная, иначе мы не могли бы меняться.

Фантики — это шаблонный стиль жизни — «как все». Управляемое человеческое сознание — самое сильное оружие, а потому является целью врага. Важно то, что человек, попавший под «массовое расщепление разума», уже не может видеть мир цельным, он видит только фрагментарно и узкозрительно воспринимает каждый этап в своей жизни и жизни окружающих. Такие люди не могут адекватно оценивать себя и других, а также их конформность всегда на руку тем, кто стоит выше по социальной лестнице. Высокая потребность в одобрении окружающих является одной из главных причин, на которой основано шаблонное поведение. В определённых референтных кругах такие люди склонны менять поведение в угоду другим, «помогая» тем самым «любить» себя.

Наконец, Фонарик — это прожектор, высвечивающий внутренние проблемы. Но для тех, кто уже довольно долго занят изменением себя-внутреннего, «фонарик»

становится только лишь средством помощи ближнему. Высекательница появляется спонтанно и так же спонтанно исчезает. Так действует в нас творческая и нравственная интуиция, потому что мы, к сожалению, очень подвержены воздействию на нас социума, окружающей обстановки и прочих внешних атрибутов жизни. Каждое появление Высекательницы для главной героини — праздник, откровение, радость. Жажда непрерывного потока в диалоге между «Духовным Я» и «Наличным Я» и составляет тот главный смысл, без которого невозможен внутренний духовный труд каждого из нас.

Симпатичен и финал этой сказки. Он — как открытая дверь: *«Я нашла пустой — совершенно чистый лист бумаги. Что бы это значило? <...> Это был шанс на встречу вне всяких рамок. Именно его я посчитала настоящим посланием от Высекательницы. Быть может, когда-нибудь я сама напишу на чистом листе нужные слова. Когда придёт время...»*

Перед читателем как бы оказывается этот чистый лист бумаги, на котором ему предстоит написать свои — именно

свои! — слова, которые рождаются, как искры. Не случайно вся последняя сказка окаймляется попугайскими криками, которые, по-видимому, символизируют бессмысленность повторения чужих слов. Таким образом, читателю предлагается написать свою сказку-быль про искры и искренность, которую каждый из нас пишет не как текст, но как жизнь.

*Татьяна Бобровских,
православный психолог
Торонто, Канада*

Содержание

Высекательница Искр	3
Собирательница Миров	13
Город Кривых Дорог	23
В Долине Драконов	35
В Галерее Высекательницы	45
Фантики	57
Фонарик	73
<i>Приложение</i>	
Живая психология.	
«Высекательница Искр»	
глазами психолога	85

Международный
клуб православных литераторов «Омилия»
www.omiliya.org
e-mail: omiliya@yandex.ru

Коппел-Ковтун Светлана Анатольевна
«Высекательница Искр»
философская сказка-притча

Иллюстрации
Тамара Твердохлеб

Дизайн и оформление
Андрей Ковтун
Светлана Коппел-Ковтун

Вёрстка
Андрей Ковтун

Корректор
Мария Фещенко

*Оригинал-макет подготовлен
при использовании свободного программного
обеспечения на платформе Linux*

